



**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.: General
11 July 2012
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Сообщение № 444/2010

**Решение, принятое Комитетом на своей сорок восьмой сессии,
7 мая – 1 июня 2012 года**

<i>Представлено:</i>	Тоиржоном Абдусаматовым и 28 другими заявителями (представлены адвокатом Кристин Ларок, АКАТ-Франция)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Казахстан
<i>Дата сообщения:</i>	24 декабря 2010 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	1 июня 2012 года
<i>Тема сообщения:</i>	экстрадиция заявителей в Узбекистан
<i>Вопросы существа:</i>	угроза применения пыток по возвращении в страну происхождения
<i>Процедурные вопросы:</i>	отсутствуют
<i>Статьи Пакта:</i>	3

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (сорок восьмая сессия)

относительно

Сообщения № 444/2010

<i>Представлено:</i>	Тоиржоном Абдусаматовым и 28 другими заявителями (представлены адвокатом Кристин Ларок, АКАТ-Франция)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Казахстан
<i>Дата сообщения:</i>	24 декабря 2010 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 1 июня 2012 года

завершив рассмотрение жалобы № 444/2010, представленной Комитету против пыток Кристин Ларок от имени Тоиржона Абдусаматова и 28 других заявителей в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв к сведению всю информацию, представленную ему заявителями, их адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

Решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток

1.1 Заявителями являются 27 узбекских граждан и два таджикских гражданина¹: Тоиржон Абдусаматов; Файзуллахон Акбаров; Акмалжон Шодиев; Сухроб Базаров; Ахмад Болтаев; Шухрат Ботиров; Мухитдин Гуламов; Шухрат Холбоев; Сайдакбар Джалолхонов; Аброр Касымов; Олимжон Холтураев; Сарвар Хуррамов; Ойбек Кулдашев; Кобилжон Курбанов; Бахриддин Нуриллаев; Бахтиёр Нуриллаев; Улугбек Остонов; Отабек Шарипов; Турсунбой Сулаймонов; Абдуазимхужа Якубов; Уктам Рахматов; Алишер Хошимов; Ойбек Пула-

¹ Будучи в Казахстане, все заявители уполномочили адвоката представлять их интересы.

тов; Маруф Юлдошев; Исобек Пардаев; Равшан Тураев; Дилбек Каримов; Сирожиддин Талипов и Файзиддин Умаров. Заявители утверждают, что их экстрадиция в Узбекистан будет представлять собой нарушение Казахстаном статьи 3 Конвенции против пыток. Они представлены адвокатом Кристин Ларок из федерации "Действия христиан за отмену пыток" (АКАТ-Франция).

1.2 В соответствии с правилом 114 (бывшее правило 108) своих правил процедуры Специальный докладчик по новым жалобам и временным мерам, действуя от имени Комитета, 24 и 31 декабря 2010 года и 21 января 2011 года обращался к государству-участнику с просьбой воздержаться от экстрадиции заявителей в Узбекистан, пока их жалоба рассматривается Комитетом. Просьба о применении временных мер была вновь повторена 6 мая и 9 июня 2011 года. Несмотря на это, заявители были экстрадированы в Узбекистан 29 июня 2011 года.

1.3 15 ноября 2011 года на своей сорок седьмой сессии Комитет постановил, что, не выполнив просьбу, сформулированную Комитетом в соответствии с правилом 114 его правил процедуры, государство-участник нарушило свое обязательство добросовестно сотрудничать с Комитетом, предусмотренное в статье 22 Конвенции; и что сообщение является приемлемым, поскольку в нем поднимаются вопросы по статье 3 Конвенции. Комитет удовлетворил просьбу государства-участника о проведении устных слушаний и соответственно постановил пригласить представителей государства-участника вместе с адвокатом заявителей на устные слушания по существу сообщения, которые намечено провести на сорок восьмой сессии Комитета в мае 2012 года.

1.4 1 июня 2012 года Комитет постановил обнародовать свое решение о приемлемости от 15 ноября 2011 года. В настоящем решении воспроизводится лишь резюме представленных заявителями фактов жалобы и представлений сторон относительно существа сообщения. С представлениями сторон относительно приемлемости и решением Комитета можно ознакомиться в документе Абдусаматов и другие против Казахстана, сообщение № 444/2010, решение о приемлемости от 15 ноября 2011 года.

Резюме фактов в изложении заявителей

2.1 Заявители являются приверженцами ислама и бежали из Узбекистана, опасаясь преследований за исповедование своей религии. Двенадцать (12) заявителей были признаны Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) подмандатными беженцами в период с 2005 года по март 2010 года. В январе 2010 года в Казахстане вступил в силу новый Закон о беженцах, обязывающий всех просителей убежища, а также всех признанных УВКБ подмандатных беженцев регистрироваться в государственных органах Казахстана, а не в УВКБ. Заявители были надлежащим образом зарегистрированы в миграционной полиции в мае 2010 года.

2.2 В период с 9 по 11 июня 2010 года заявители были арестованы сотрудниками Казахской миграционной полиции и лицами в штатском, которые предположительно являлись представителями Комитета национальной безопасности (КНБ). В момент ареста заявителям не предъявлялось никаких ордеров; хотя некоторым из них они были предъявлены позднее. В мае 2010 года Центральный комитет по определению статуса беженцев (ЦКСБ) провел с заявителями собеседования, на которых не присутствовали ни адвокат, ни переводчик. 11 и 27 августа 2010 года ЦКСБ отклонил их ходатайства о предоставлении убежища, несмотря на то, что 12 из них УВКБ ранее уже предоставило статус подмандатных беженцев. В решениях было указано лишь то, что эти лица не

удовлетворяют требованиям, дающим им право на получение статуса беженцев, без каких-либо дополнительных разъяснений.

2.3 8 сентября 2010 года прокуратура Алма-Аты заявила, что по просьбе узбекских властей и в соответствии с двусторонним соглашением от 22 января 1993 года (Конвенция Содружества Независимых Государств (СНГ) о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция)) и Шанхайской конвенцией 2001 года заявители будут экстрадированы в Узбекистан как члены "запрещенных организаций" и лица, обвиняемые в "посягательстве на свержение конституционного строя" в Узбекистане. При этом им не были вручены ни постановления об экстрадиции, ни какие-либо иные письменные уведомления.

2.4 6 декабря 2010 года суд № 2 Алмалинского района Алма-Аты постановил объединить в одно дело апелляции заявителей на решения ЦКСБ.

Резюме жалобы

3.1 Заявители ссылаются на заключительные замечания Комитета по правам человека по Узбекистану, в которых он выразил озабоченность по поводу ограничения и ущемления свободы религии и убеждений и применения уголовного законодательства для наказания явно мирных проявлений религиозной свободы, в том числе в отношении членов незарегистрированных религиозных групп, на неоднократные сообщения о предъявлении обвинений и лишении свободы таких лиц² и на доклад организации "Хьюман райтс уотч", в котором говорится о том, что узбекские власти избирают своей мишенью и помещают под стражу мусульман и других верующих, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов или принадлежащих к незарегистрированным религиозным организациям³.

3.2 Заявители далее сообщают, что существующая в Узбекистане практика пыток и жестокого обращения документально подтверждена и что в 2010 году Комитет по правам человека с обеспокоенностью отметил поступающие сообщения о пытках и жестоком обращении⁴. АКАТ-Франция, предоставившая адвоката заявителям, внимательно следит за делами десятков жертв пыток и отмечает, что в Узбекистане пытки продолжают применяться на систематической основе и что мусульмане, отказывающиеся исповедовать свою веру под контролем государства, сталкиваются с серьезной угрозой пыток и других форм жестокого обращения в местах содержания под стражей.

Резюме замечаний государства-участника по существу сообщения

4.1 24 июня 2011 года государство-участник представило свои замечания по существу сообщения и проинформировало Комитет об экстрадиции 19 заявителей. Оно напомнило, что с 9 июня по 14 декабря 2010 года были арестованы 19 иностранцев, на которых в Узбекистане был выдан ордер на арест в связи с совершением тяжких преступлений. Четверо из них являлись просителями убежища, а 15 получили статус беженцев от УВКБ. С 1 января 2010 года все вопросы, связанные с получением убежища и статуса беженцев, регулируются новым законом о беженцах, в связи с чем статус беженцев, предоставленный

² ССРР/СО/83/УЗБ, пункт 22, и ССРР/С/УЗБ/СО/3, пункт 19.

³ Human Rights Watch report, *Creating Enemies of the State: Religious Persecution in Uzbekistan* (2004), available from: <http://www.hrw.org/en/reports/2004/03/29/creating-enemies-state-0>.

⁴ ССРР/С/УЗБ/СО/3, пункт 11.

ранее УВКБ, был аннулирован. Вопрос о статусе беженцев всех 19 заявителей был рассмотрен Специальной комиссией Министерства труда и социальной защиты населения (с 30 сентября 2010 года эта комиссия находится в ведении Министерства внутренних дел). В этой работе принимал участие и эксперт из женеvской штаб-квартиры УВКБ, который имел возможность присутствовать на всех совещаниях и имел доступ ко всей документации. Комиссия также рассмотрела материалы, представленные Узбекистаном. Комиссия отклонила ходатайства о предоставлении убежища и аннулировала статус беженцев всех 19 заявителей. 10–29 декабря 2010 года жалобы заявителей рассматривал суд № 2 Алмалинского района Алма-Аты, который утвердил решение Комиссии об отказе в предоставлении им статуса беженцев. По итогам слушания, проходившего 2 февраля – 29 марта 2011 года, городской суд Алма-Аты отклонил поданные заявителями апелляции. Кассационные жалобы 28 заявителей⁵ были отклонены, и решение Комиссии окончательно вступило в силу. Заявители также обжаловали решение Генерального прокурора об их экстрадиции в Узбекистан на основании статьи 531-1 Уголовно-процессуального кодекса. 15 марта 2011 года суд № 2 Алмалинского района отклонил их жалобу. После того, как апелляция была отклонена и городским судом Алма-Аты, решение Генерального прокурора об экстрадиции окончательно вступило в силу.

4.2 Государство-участник утверждает, что представители УВКБ и Бюро по правам человека государства-участника осуществляли надзор за судопроизводством. В комиссию не поступало никаких жалоб на процессуальные нарушения. Производство по делам заявителей было прозрачным и беспристрастным и соответствовало международным нормам, в том числе Конвенции о статусе беженцев 1951 года. Ходатайства заявителей о предоставлении им статуса беженцев рассматривались на основании закона о беженцах, и решения об отказе в предоставлении им этого статуса были обжалованы ими во всех инстанциях. Во всех судебных инстанциях заявителям гарантировалась правовая помощь. Своe решение миграционная комиссия обосновывала тем, что заявители представляют угрозу для государства-участника и могут нанести серьезный ущерб безопасности других стран. Заявителям было отказано в предоставлении этого статуса в соответствии со статьей 1 F c) Конвенции о статусе беженцев 1951 года. Государство-участник заявляет далее, что, поскольку Узбекистан является участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток, уголовные дела против заявителей будут вестись в соответствии с узбекским национальным законодательством и международными обязательствами страны.

4.3 Заявители были экстрадированы на основании Минской конвенции. Узбекские власти гарантировали защиту их прав и свобод, а также неприменение к ним пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения. Таким образом, государство-участник заявляет, что нынешнее сообщение, рассматриваемое Комитетом против пыток, не имеет под собой никаких оснований.

Резюме комментариев заявителей по замечаниям государства-участника

5.1 5 августа 2011 года адвокат заявителей отмечает, что, во-первых, государство-участник говорит лишь о 19 заявителях из 29. Далее она еще раз подчеркивает, что имевшиеся в распоряжении заявителей средства правовой защиты в

⁵ Из замечаний государства-участника неясно, идет ли речь о 19 заявителях (если да, то о каких) или о 28 заявителях (в таком случае неясно, что стало с остальными заявителями).

контексте рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища были неэффективными⁶. Адвокат обращает внимание на то, что, по словам государства-участника, ходатайства заявителей о предоставлении им статуса беженцев были отклонены на основании статьи 12 Закона о беженцах, в соответствии с которой статус беженцев не предоставляется в тех случаях, когда имеются серьезные основания полагать, что просители убежища являлись или являются членами запрещенных религиозных организаций. Это положение закона подвергалось критике как противоречащее требованиям международного беженского права⁷.

5.2 Адвокат отмечает, что после экстрадиции заявителей в Узбекистан они содержались под стражей без связи с внешним миром. 9 июня 2011 года государство-участник экстрадировало заявителей, игнорируя просьбу Комитета о принятии временных защитных мер, сознавая при этом, что для заявителей возвращение чревато угрозой пыток и жестокого обращения, и полагаясь на "ненадежные дипломатические заверения", которые якобы предоставил ему Узбекистан. Государство-участник официально признало факт высылки 28 человек; адвокат просит уточнить местонахождение и статус последнего, еще не выданного задержанного.

5.3 Адвокат отмечает, что заявители были высланы на основании Минской конвенции, в которой, однако, ничего не говорится об обязательстве воздерживаться от принудительного возвращения, вытекающем из участия государства в Конвенции против пыток, и что положения этого документа не освобождают государство-участник от обязательства не возвращать лицо государству, если там ему могут угрожать пытки.

5.4 Адвокат далее утверждает, что государству-участнику было известно, что в Узбекистане заявителям угрожают пытки. Она подчеркивает, что о широком распространении практики пыток в Узбекистане говорится в ряде открытых докладов, выпущенных учреждениями системы Организации Объединенных

⁶ В этой связи адвокат ссылается на пункт 19 заключительных замечаний Комитета по правам человека по первоначальному докладу Казахстана (CCPR/C/KAZ/CO/1), который рассматривался в июле 2011 года, отмечая, что Комитет выразил обеспокоенность в связи с тем, что, несмотря на принятие в стране Закона о беженцах 2010 года, его применение не гарантирует защиту прав, признаваемых в Пакте, а также в связи с тем, что физические лица, в частности узбекские граждане [...], не имеют никаких гарантий в соответствии с принципом недопустимости принудительного возвращения. Адвокат также обращает внимание на подготовленный в июне 2011 года рядом казахских НПО документ, в котором высказывается аналогичная озабоченность со ссылкой на ситуацию заявителей в рассматриваемом деле (Объединенный доклад казахских НПО Комитету по правам человека, размещен по адресу http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/ngos/Almaty_report_HRC102.pdf).

⁷ Адвокат ссылается на подготовленный в октябре 2009 года доклад МФПЧ "Казахстан/Кыргызстан: эксплуатация трудящихся-мигрантов, отсутствие защиты просителей убежища и беженцев". Наконец, адвокат поясняет, что казахские НПО критикуют УВКБ за его участие в работе по определению правомерности предоставления статуса беженца в государстве-участнике (Kazakhstan Coalition of Nongovernmental Organizations (NGOs) against Torture, 2010 Report, p.11,), отмечая при этом, что в июле 2011 года в своих заключительных замечаниях по Казахстану Комитет по правам человека выразил аналогичную озабоченность.

Наций, международными организациями и национальными неправительственными организациями (НПО)⁸. В своих ходатайствах о предоставлении убежища заявители подробно рассказали, почему по возвращении в Узбекистан лично им угрожают пытки, а некоторые из них также описали пытки, которым они подверглись в Узбекистане в прошлом. Поскольку все заявители обвиняются в Узбекистане в совершении тяжких преступлений, например в принадлежности к запрещенным религиозным движениям, они относятся к той группе людей, которые систематически подвергаются жестокому обращению. Кроме того, до вступления в силу нового закона о беженцах УВКБ уже предоставило в Казахстане статус беженцев многим заявителям.

5.5 Наконец, касаясь вопроса о дипломатических заверениях, адвокат поясняет, что в июле 2011 года в своих заключительных замечаниях по Казахстану Комитет по правам человека конкретно просил государство-участник проявлять крайнюю осмотрительность в тех случаях, когда оно полагается на дипломатические заверения при рассмотрении вопроса о возвращении иностранных граждан в страны, где они могут подвергаться пыткам или серьезным нарушениям прав человека. Применительно к рассматриваемому делу адвокат обращает внимание на отсутствие как механизма мониторинга положения заявителей в Узбекистане, так и доступа к ним в этой стране.

Резюме дополнительной информации, представленной государством-участником

6.1 23 сентября 2011 года государство-участник вновь заявило о том, что все процедуры рассмотрения ходатайств заявителей о предоставлении убежища в Миграционном комитете носили вполне законный характер и что решение властей не предоставлять убежище заявителям было оправданным и законным. Миграционному комитету были представлены все материалы по экстрадиции, полученные от узбекских властей.

6.2 Все решения об отказе в предоставлении убежища заявителям, равно как и решения об их экстрадиции в Узбекистан, были рассмотрены и подтверждены судом, в том числе в апелляционном порядке. Производство велось прозрачно и беспристрастно. На всех этапах судебного разбирательства заявители могли пользоваться услугами адвокатов, которые представляли их интересы, в том числе в апелляционной инстанции.

6.3 Государство-участник подчеркивает, что Миграционная комиссия принимала свои решения на основе достоверной и проверенной информации, согласно которой нахождение заявителей в Казахстане представляет угрозу для государства-участника и может нанести серьезный ущерб безопасности других стран. В статье 1 F c) Конвенции 1951 года о статусе беженцев предусматривается, что положения Конвенции не распространяются на всех тех лиц, в отношении которых имеются серьезные основания полагать, что они "виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций". Согласно статье 12 казахстанского Закона о беженцах статус беженцев не предоставляется в тех случаях, когда имеются серьезные основания полагать, что заинтересованные лица принимают или принимали участие в

⁸ Речь идет о заключительных замечаниях по Узбекистану Комитета против пыток (CAT/C/UZB/CO/3) и Комитета по правам человека (CCPR/CO/83/UZB), докладе Специального докладчика по вопросу о пытках (A/HRC/13/39/Add.6), а также о посвященных Узбекистану открытых докладах организаций АКАТ-Франция, "Международная амнистия", "Хьюман райтс уотч" и узбекских НПО.

деятельности запрещенных религиозных организаций. На этом основании, изучив материалы дела, УВКБ приняло решение аннулировать удостоверения беженцев, ранее выданные ряду заявителей.

6.4 Что касается положения заявителей в Узбекистане, то государство-участник вновь подчеркивает, что Узбекистан является участником основных международных договоров о правах человека и что уголовное производство в стране осуществляется в соответствии с положениями национального законодательства и международными обязательствами Узбекистана. Узбекистан предоставил гарантии соблюдения основных прав и свобод заявителей и заверения в том, что они не будут подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения.

Дополнительные представления заявителей относительно существа сообщения

7.1 29 февраля 2012 года адвокат представила дополнительную информацию о причинах, побудивших заявителей обратиться за защитой в Казахстане. Адвокат отмечает, что ей не удалось связаться с заявителями во время их содержания под стражей ни в Казахстане, ни после их экстрадиции в Узбекистан; таким образом, информация основана на составленных заявителями ходатайствах о предоставлении убежища, апелляциях и судебных исках, поданных их адвокатами в рамках судебного разбирательства в судах государства-участника в 2010 и 2011 годах, а также на постановлениях казахстанского суда. Все заявители подписали доверенность на представление их интересов адвокатом в рамках настоящего сообщения.

Тоиржон Абдусаматов

7.2 В мае 1999 года заявитель присоединился к Исламскому движению Узбекистана в Таджикистане. Через месяц он бежал из лагеря организации и сдался полиции в Узбекистане. В апреле 2000 года он был приговорен к тюремному заключению сроком на 20 лет. В феврале 2005 года он был освобожден по амнистии, однако сотрудники полиции пригрозили ему повторным арестом в случае, если он не согласится шпионить за несколькими прихожанами в своей мечети. В ноябре 2005 года его брат был арестован в Казахстане и подвергнут принудительному возвращению, несмотря на ходатайство о предоставлении убежища, и с того времени за домом их семьи велось наблюдение. В декабре 2005 года заявитель прибыл в Алма-Ату, и в июле 2007 года УВКБ предоставило ему статус беженца. После отъезда заявителя его шурина был арестован и избит во время содержания под стражей, и узбекские власти приказали матери и брату заявителя найти его и потребовали от них добиться его возвращения.

Файзуллахон Акбаров

7.3 18 июня 2009 года заявитель был арестован сотрудниками Службы национальной безопасности (СНБ). Во время пребывания под стражей его жестоко избивали, оказывали психологическое давление и угрожали предъявить обвинения в терроризме. После того как с Министерством внутренних дел связалась местная НПО, он был переведен в центр для бездомных и впоследствии освобожден 22 июня 2009 года. 24 июня 2009 года он бежал из Узбекистана и обратился с ходатайством о предоставлении убежища в Казахстане, где УВКБ предоставило ему статус беженца.

Акмалжон Шодиев

7.4 Заявитель, являющийся гражданином Таджикистана, работал в Узбекистане с 2000 по 2003 год. В 2007 году заявитель находился на заработках в России и по телефону узнал от своего брата, что в Узбекистане на его имя выдан ордер на арест в связи с членством в экстремистской и религиозной организации. Он подал ходатайство о предоставлении убежища в России, но оно было отклонено. 9 июля 2009 года по возвращении в Таджикистан он был арестован, и службы безопасности угрожали экстрадировать его в Узбекистан. Задействовав свои связи и дав взятку, тесть заявителя добился его освобождения, после чего заявитель бежал в Казахстан.

Сухроб Базаров

7.5 Заявитель регулярно ходил молиться в мечеть. Агенты СНБ несколько раз вызвали его на допрос и угрожали арестом. В его доме регулярно производили обыск вооруженные сотрудники. В 2009 году он был приглашен в гости к одному из своих друзей и познакомился с неким Умаром. В августе 2009 года его друг был арестован из-за своей связи с Умаром. Заявитель был также допрошен полицией. Опасаясь ареста, он уехал из Узбекистана, и 26 ноября 2009 года УВКБ предоставило ему статус беженца.

Ахмад Болтаев

7.6 2 апреля 2000 года заявитель был арестован в ходе массовых арестов мусульман, последовавших за взрывами в Ташкенте в 1999 году. Во время содержания под стражей он был избит дубинками; полицейские подложили ему в одежду героин и сфабриковали против него дело. Его избивали и пытали в течение 26 дней до тех пор, пока он не согласился подписать ложное признание, после чего он был переведен в следственный изолятор в Ташкенте, где вновь подвергся пыткам. 15 мая 2000 года его приговорили к тюремному заключению сроком на 20 лет за терроризм, разжигание расовой, религиозной или этнической ненависти, посягательство на свержение конституционного строя и владение наркотиками. В тюрьме его заставляли бегать голым и выполнять изнурительные физические упражнения; кроме того, его регулярно избивали и допрашивали агенты СНБ. 27 декабря 2003 года в силу критического состояния здоровья он был освобожден из тюрьмы под обязательство раз в две недели являться в местное отделение Министерства внутренних дел, где его регулярно подвергали побоям. 13 сентября 2006 года ему сообщили об аресте нескольких членов его семьи. Заявитель скрывался вплоть до своего отъезда в Кыргызстан в ноябре 2007 года. 17 марта 2009 года он приехал в Алма-Ату, и в августе 2009 года УВКБ предоставило ему статус беженца.

Шухрат Ботиров

7.7 Заявитель регулярно ходил в мечеть на пятничные молитвы, и представители местных органов власти несколько раз угрожали ему арестом. В апреле 2010 года сотрудники СНБ арестовали двух его друзей, вместе с которыми он обычно ходил молиться по пятницам. Они были приговорены к 9 и 20 годам тюремного заключения. Заявитель опасался за свою жизнь и решил уехать из Узбекистана. 5 апреля 2010 года он прибыл в Казахстан, где УВКБ предоставило ему статус беженца.

Мухитдин Гуламов

7.8 В 1999 году трое друзей заявителя, вместе с которыми он посещал мечеть, были арестованы, а в его доме был произведен обыск. В 2001 году в ходе новой волны арестов, направленной на прихожан мечети, которую он посещал,

полицейские обыскали его дом в его отсутствие. После этого заявитель скрывался от властей вплоть до 2004 года. Когда он перестал скрываться, его вызвали в прокуратуру и допросили с целью получения сведений о его знакомых. С 2005 по 2007 годы он снова скрывался; он начал скрываться после того, как несколько из его друзей были осуждены. В начале 2007 года он уехал из Узбекистана и в марте 2007 года получил предоставляемый УВКБ статус беженца в Казахстане.

Шухрат Холбоев

7.9 В ноябре 1999 года были арестованы друзья заявителя, их заставили подписать документы с утверждениями о том, что заявитель призывал к свержению конституционного режима. В декабре 1999 года заявителя арестовали и вынудили подписать признательные показания. В феврале 2000 года его приговорили к тюремному заключению сроком на шесть с половиной лет за посягательство на свержение конституционного строя и незаконное владение оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами. 14 января 2004 года он был освобожден по амнистии. В августе 2009 года несколько его друзей были арестованы. 9 октября 2009 года он бежал в Кыргызстан, а 11 января 2010 года он прибыл в Алма-Ату и обратился с ходатайством об убежище в соответствии с казахстанским Законом о беженцах 2010 года.

Сайдакбар Джалолхонов

7.10 В 1995 году были арестованы несколько религиозных лидеров, а мечеть, в которую ходил заявитель, была в принудительном порядке закрыта. В этой связи он решил перебраться в Россию. В России он возобновил религиозную учебу и стал имамом. Раз в год он посещал Узбекистан. В 2001 году ему стало известно о том, что его бывший учитель был арестован и под пыткой раскрыл имена всех своих учеников, включая заявителя, и что к нему в дом несколько раз приходили сотрудники СНБ и расспрашивали о нем его родителей. Заявитель немедленно вернулся в Россию. В 2004 году его вызвали в Федеральную службу безопасности Российской Федерации, где ему сообщили о том, что его имя в Узбекистане внесено в черный список. В связи с этим ему было отказано в продлении разрешения на работу и рекомендовано уехать из России; в противном случае ему грозила депортация в Узбекистан. Он переехал в Кыргызстан, а затем в Казахстан, где 26 августа 2009 года УВКБ предоставило ему статус беженца.

Дилбек Каримов

7.11 Заявитель работал на заводе в Санкт-Петербурге. Он начал изучать ислам. В 2009 году его мать сообщила ему об аресте его дяди и нескольких друзей по обвинению в членстве в экстремистской религиозной группе. Она также сказала, что к ним домой приходили сотрудники СНБ и что они заставили ее дать им адрес заявителя в Санкт-Петербурге. Заявителю сообщили, что он разыскивается узбекскими властями в связи с членством в религиозной экстремистской организации. 6 января 2010 года он обратился с ходатайством о предоставлении убежища в Казахстане. С 10 по 25 апреля 2010 года его отца держали под стражей сотрудники узбекской СНБ, рассчитывая тем самым заставить заявителя вернуться в Узбекистан.

Аброр Касымов

7.12 В июне 2007 года в Коканде сотрудники СНБ арестовали 55 человек, включая одного из друзей заявителя, которого заставили дать показания против последнего. 10 июля 2007 года заявитель бежал в Россию. В его отсутствие в

доме был произведен обыск и конфискованы документы. Кроме того, его жену и родителей регулярно вызывали на допросы в СНБ. В апреле 2009 года он прибыл в Казахстан и обратился с ходатайством о предоставлении убежища.

Олимжон Холтураев

7.13 С 2004 года заявитель изучал Коран на арабском языке. В 2008 году его друг подвергся аресту и раскрыл имя заявителя. 23 ноября 2008 года заявитель начал скрываться от властей. После того, как еще одному его другу, вернувшемуся в Узбекистан из Соединенного Королевства, был вынесен обвинительный приговор, заявитель решил обратиться с ходатайством о предоставлении убежища в Казахстане.

Алишер Хошимов

7.14 27 января 1998 года заявитель был арестован; ему в карман подложили наркотики и обвинили во владении наркотиками. В ходе предварительного задержания его допрашивали о деятельности одного имама, с которым он был знаком, его подвергали пыткам лица, якобы являвшиеся его сокамерниками, которые призывали его дать показания против имама, обвинив последнего в посягательстве на свержение конституционного строя. 26 января 2001 года он был освобожден. В июне 2009 года одного из его родственников в ходе допроса расспрашивали о заявителе и позднее приговорили к тюремному заключению сроком на шесть лет. В сентябре 2009 года заявитель бежал в Казахстан. В его отсутствие к нему в дом приходили полицейские и расспрашивали о его местонахождении. Его семнадцатилетнего сына, брата и племянника подвергли аресту, а его сына приговорили к тюремному заключению сроком на 15 лет.

Сарвар Хуррамов

7.15 Заявитель вырос в мусульманской семье и организовал свое бракосочетание по религиозному обряду. Вслед за арестом его друга (так же, как и в случае друга г-на Холтураева, см. выше) домой к его родителям для допроса явились сотрудники СНБ. В феврале 2010 года УВКБ предоставило заявителю статус беженца в Казахстане.

Ойбек Кулдашев

7.16 Заявитель регулярно посещал местную мечеть. В апреле 2010 года двое его друзей были арестованы и впоследствии приговорены к тюремному заключению сроком на 9 и 20 лет. Опасаясь за свою жизнь, заявитель уехал из Узбекистана, и 8 апреля 2010 года УВКБ предоставило ему статус беженца. Ему стало известно, что во время его отсутствия двух его братьев и близкого друга арестовали и допрашивали о заявителе. Все они были жестоко избиты.

Кобилжон Курбанов

7.17 После взрывов 1999 года в Ташкенте заявитель начал подвергаться преследованиям. В 2001 году заявитель был осужден за распространение незаконных листовок, которые полицейские подложили ему в сумку. В 2004 году он был арестован за незаконное хранение оружия, которое спрятали в его доме сотрудники полиции. В 2009 году его незаконно содержали под стражей в течение семи дней, и он был жестоко избит полицейскими. 26 февраля 2010 года он попросил убежища в Казахстане.

Бахриддин и Бахтиёр Нуриллаевы

7.18 Несколько членов семьи заявителей были арестованы из-за их религиозной деятельности. В течение пяти месяцев их брат подвергался пыткам и был

вынужден подписывать ложные показания. Четверых из их двоюродных братьев также подвергали пыткам и заставили подписать признательные показания, в которых говорилось, что они являются членами экстремистских организаций. Опасаясь аналогичной участи, братья бежали в Казахстан, где УВКБ предоставило им статус беженцев в октябре и ноябре 2009 года.

Улугбек Остонов

7.19 В 1999 году заявитель начал исповедовать ислам и принимал в своем доме группу лиц для обсуждения ислама. В марте 2004 года после взрывов в Ташкенте трое участников таких обсуждений были приговорены к 16 и 18 годам тюремного заключения. За заявителем была установлена слежка, и сотрудники СНБ регулярно допрашивали его жену в связи с его деятельностью и подвергали ее пыткам. Опасаясь за свою безопасность, заявитель уехал в Россию, а в октябре 2008 года перебрался в Казахстан. Ему стало известно, что его брата содержали под стражей без связи с внешним миром в течение трех месяцев, на протяжении которых его подвергали пыткам, обещая отпустить только в том случае, если заявитель вернется в Узбекистан. 13 января 2010 года УВКБ предоставило заявителю статус беженца в Казахстане.

Исобеков Пардаев

7.20 В 2006 году заявитель начал исповедовать ислам и в 2009 году провел свое бракосочетание по религиозному обряду, после чего за ним была установлена слежка по подозрению в экстремистской деятельности. В апреле 2010 года двое его друзей были арестованы в мечети, прихожанином которой он являлся. Заявитель уехал в Казахстан, где в мае 2010 года ему был предоставлен статус беженца.

Ойбек Пулатов

7.21 В 2009 году друзья заявителя, с которыми он ходил в мечеть, подверглись аресту, а за домом и лавкой заявителя было установлено наблюдение. В апреле 2010 года близкий друг заявителя был арестован, в течение пяти месяцев содержался без связи с внешним миром и подвергался жестоким пыткам. Заявитель был встревожен этими арестами и уехал в Казахстан.

Уктам Рахматов

7.22 Заявитель дважды в месяц собирался вместе с друзьями для изучения Корана. В 2008 году ему сообщили, что его имя фигурирует в списке подозреваемых. В 2009 году после ареста некоторых его друзей с ним несколько раз беседовали сотрудники СНБ. После его отъезда в Казахстан 5 апреля 2010 года его родителям было сообщено, что его разыскивает полиция.

Отабек Шарипов

7.23 7 июня 2000 года заявителя вызвали на допрос, в ходе которого его избивали ногами и кулаками, заставляя сознаться в том, что он является членом экстремистской религиозной группы, однако он отказался это сделать. В течение 20 дней он подвергался жестоким пыткам и в конечном итоге был вынужден подписать признательные показания. 11 декабря 2000 года его приговорили к тюремному заключению сроком на 9 лет. В ходе заключения его систематически подвергали пыткам, однако 15 января 2003 года он был освобожден по амнистии. В 2007 году заявитель уехал на заработки в Санкт-Петербург и вернулся в Узбекистан в декабре 2007 года. В феврале 2008 года несколько его друзей подверглись аресту по возвращении в Узбекистан. 21 августа 2009 года он прибыл в Казахстан.

Турсунбой Сулаймонов

7.24 Заявитель является мусульманином и гражданином Таджикистана. 29 марта 2004 года, в день взрывов в Ташкенте, были арестованы три его шурина. Через четыре дня в его дом явились 12 сотрудников милиции. Его жена успела его предупредить, и он бежал в Таджикистан. Несколько дней спустя он был арестован таджикскими властями по обвинению в соучастии в организации мартовских взрывов в Ташкенте и контрабанде оружия. В течение трех дней его пытали, но затем отпустили благодаря крупной взятке. В сентябре 2004 года началось судебное разбирательство в отношении 33 обвиняемых, включая заявителя. Заявитель фигурировал в качестве лидера экстремистской организации, ответственной за взрывы в Ташкенте, и узбекские власти выдали международный ордер на его арест. Какое-то время заявитель скрывался в Таджикистане и Кыргызстане и 6 марта 2009 года прибыл в Казахстан.

Сирожиддин Талипов

7.25 Заявитель регулярно посещал молитвенные службы. В 2007 году заявитель уехал на заработки в Россию и в ходе одного из посещений Узбекистана узнал, что за его домом установлено наблюдение и что многие из его друзей были арестованы. В 2010 году его семья посоветовала ему не возвращаться в Узбекистан, поскольку там его ожидал арест. В связи с этим он уехал в Казахстан и попросил там убежища.

Абдуазимхужа Якубов

7.26 За приятелем заявителя была установлена слежка сотрудниками СНБ, и впоследствии он был убит. В 2009 году заявитель и все члены его семьи мужского пола были вызваны в СНБ. 28 января 2010 года заявитель прибыл в Казахстан. Ему стало известно, что его сестра и племянник были приговорены соответственно к 9 и 17 годам тюремного заключения и что ему были предъявлены обвинения в членстве в экстремистской религиозной группе, предположительно созданной его тестем, который был позднее убит сотрудниками милиции.

Маруф Юлдошев

7.27 В 2009 году заявитель начал посещать мечеть. В апреле 2010 года один из его друзей был арестован, и, со слов еще одного его друга, заявителю также угрожали арест и пытки. Он бежал из Узбекистана и прибыл в Казахстан 5 апреля 2010 года.

7.28 Адвокат заявляет, что она не располагает какой-либо информацией о Равшане Тураеве и Файзиддине Умарове, поскольку ей не удалось связаться с заявителями во время их содержания под стражей в Казахстане или после их экстрадиции в Узбекистан.

Дополнительные замечания государства-участника относительно существа сообщения

8.1 30 апреля 2012 года государство-участник представляет дополнительные замечания в связи с экстрадицией 29 заявителей. Оно отмечает, что в период с июня по декабрь 2010 года заявители были экстрадированы в Узбекистан, где они были объявлены в розыск по обвинению в терроризме, создании или участии в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях и других преступлениях. Решение об их экстрадиции было принято в соответствии с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах и с учетом тяжести вменяемых им в вину

преступлений, с тем чтобы предупредить побег данных лиц и обеспечить общественную безопасность на территории государства-участника.

8.2 Государство-участник ссылается на свои предыдущие представления относительно законности решения об экстрадиции и утверждений заявителей о жестоком обращении и пытках со стороны представителей органов власти государства-участника. Оно вновь подчеркивает, что Генеральный прокурор Узбекистана направил ему письменные гарантии того, что после экстрадиции права и свободы задержанных будут соблюдаться и что они не подвергнутся пыткам или жестокому обращению. Узбекские власти также заверили Комитет в том, что международным организациям, включая Международный комитет Красного Креста (МККК), Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и ряд других международных правозащитных организаций, будет предоставлен свободный доступ для проверки мест лишения свободы и бесед с задержанными.

8.3 Государство-участник объясняет, что с того момента, как решения властей по искам, поданным заявителями в связи с экстрадицией, и решения относительно их статуса беженцев приобрели окончательный характер, у него не осталось правовых оснований для их дальнейшего содержания, и оно тем более не могло распорядиться об их освобождении, поскольку они представляли угрозу для государственных интересов и безопасности Казахстана.

8.4 Государство-участник напоминает, что Узбекистан является участником как Международного пакта о гражданских и политических правах, так и Конвенции против пыток. Следовательно, уголовное судопроизводство в отношении заявителей ведется в соответствии с внутренним законодательством и международными обязательствами Узбекистана. Согласно положениям Минской конвенции государство-участник получило информацию об уголовных расследованиях, возбужденных в отношении 26 заявителей, которым были вынесены приговоры только за те преступления, которые фигурировали в требовании об экстрадиции. Ни один из них не был приговорен к смертной казни или к пожизненному заключению.

8.5 Государство-участник отмечает, что г-н Рахматов был приговорен к трем годам исправительных работ. Аналогичные наказания, не предусматривающие тюремного заключения, были назначены г-ну Пулатову и г-ну Юлдошеву. Уголовное разбирательство по делу г-на Джалолхонова было закрыто на основании акта об амнистии. 26 сентября 2011 года г-н Абдусаматов был приговорен к тюремному заключению сроком на 12 лет за посягательство на свержение конституционного строя. Государство-участник уточняет, что Узбекистан уведомит его о результатах всех уголовных судебных разбирательств в отношении заявителей. Наконец, государство-участник заявляет, что сотрудники его посольства провели встречи с представителями узбекских властей по вопросу об условиях содержания заявителей и их жалобах о применении пыток и жестоком обращении и что оно представит дополнительные разъяснения в этой связи.

Устные слушания сторон

9.1 8 мая 2012 года, по просьбе государства-участника, Комитет провел устные слушания с участием обеих сторон. Государство-участник объяснило, что решение об экстрадиции заявителей было принято по ряду причин: во-первых, в соответствии со статьей 534 Уголовно-процессуального кодекса максимальный срок тюремного заключения в порядке экстрадиционного ареста составляет один год, и заявители к тому времени уже отбыли годовое заключение; во-вторых, у Казахстана не имелось правовых оснований для их освобождения или для предоставления им статуса беженцев в стране, а перевод их в третью стра-

ну не представлялся возможным; в-третьих, по данным иностранных партнеров, заявители участвовали в создании сети международных террористических организаций, две из которых были запрещены в государстве-участнике и фигурируют в соответствующем списке Контртеррористического комитета Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

9.2 Государство-участник далее отметило, что УВКБ лишило заявителей статуса беженцев после того, как эксперты Управления в течение двух месяцев изучали их досье. Государство-участник не могло допустить дальнейшего проникновения религиозного экстремизма из Центральной Азии в другие страны и приняло осознанное решение не удовлетворять просьбу Комитета о принятии временных мер, с тем чтобы защитить собственных граждан и граждан других стран.

9.3 Что касается уголовного разбирательства в отношении заявителей в Узбекистане и состояния их здоровья, то государство-участник объяснило, что в соответствии с информацией от 5 мая 2012 года, полученной от узбекского Генерального прокурора, 25 заявителей были признаны виновными в совершении вменяемых им преступлений и приговорены к разным мерам наказания; трое из них были приговорены к исправительным работам сроком на три года и освобождены после судебного слушания. Один из заявителей был амнистирован. Государство-участник отмечает, что не имеется оснований полагать, что заявители подвергнутся в Узбекистане пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Согласно узбекским властям, заявители содержатся в надлежащих условиях и не подвергаются пыткам. Государство-участник отмечает, что ежегодно на его территорию из Узбекистана прибывает 10 000 незаконных мигрантов и около 5 000 из них высылаются обратно в страну. Государство-участник сотрудничает с Узбекистаном и экстрадирует в среднем 40 человек в год в связи с проводимым в их отношении уголовным разбирательством. С 2007 года УВКБ переселило 215 узбекских граждан в третьи страны.

9.4 Отвечая на вопросы членов Комитета, государство-участник отметило, что в соответствии со статьей 18 Закона о беженцах и статьей 532 Уголовно-процессуального кодекса запрещается высылать лиц в третью страну, если их жизни или свободе угрожает опасность или существует угроза применения пыток. Что касается справедливого судебного разбирательства в отношении заявителей в Казахстане, то государство-участник вновь сослалось на свои письменные замечания и отметило, что, согласно имеющимся документальным свидетельствам, в разбирательстве принимали участие адвокаты и переводчики и ни заявители, ни их адвокаты, ни представители УВКБ или Управления по защите прав человека государства-участника не подавали никаких жалоб. Что касается разбирательства в Узбекистане, то государство-участник отметило, что все заявители были представлены выбранными ими адвокатами и что жалоб на применение пыток не поступало.

9.5 По вопросу о положении в Узбекистане и опасности для заявителей государство-участник отметило, что казахские власти связывались со своими узбекскими коллегами для получения заверений в том, что ни один из заявителей не подвергнется пыткам и что международным организациям будут разрешены посещения. В случае несоблюдения таких гарантий государство-участник оставило за собой право пересмотреть подходы к своему сотрудничеству с Узбекистаном. Оно также заявило, что ему известно о докладах неправительственных организаций о положении в области прав человека в Узбекистане, докладах специальных докладчиков Организации Объединенных Наций и резолюциях Генеральной Ассамблеи. Оно сослалось на ряд других докладов, в которых говорит-

ся об улучшении положения в области прав человека в Узбекистане. Оно также заявило, что г-н Якубов был приговорен к тюремному заключению сроком на 18 лет, а г-н Болтаев – сроком на 12 лет, а не на 30 лет, как об этом говорилось в средствах массовой информации.

9.6 Переходя к вопросу о том, фигурируют ли имена заявителей в списке Контртеррористического комитета Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, государство-участник отметило, что две из упомянутых им организаций находятся в этом списке. В состав одной из них входит порядка 5 000 человек, и в список попали не все члены организации.

9.7 Государство-участник далее пояснило, что оно регулярно контролирует положение заявителей и что ему было сообщено, что заявители не подверглись пыткам при возвращении в Узбекистан.

9.8 Государство-участник подтвердило, что в его законодательстве существует закон о борьбе с терроризмом, но что решение об экстрадиции заявителей было принято им ввиду угрозы, которую они представляли для национальной безопасности и безопасности региона или других стран.

9.9 Что касается местонахождения заявителей, то государство-участник заявило, что четверо из них были освобождены, а остальные либо находятся в тюрьме, либо содержатся под стражей в ожидании суда.

10.1 Адвокат заявителей указала, что государство-участник не объяснило, чем обусловлено невыполнение просьбы о временных мерах защиты в нарушение статьи 22 Конвенции⁹, тем самым возложив бремя доказывания на государство-участник, которому следует обосновать экстрадицию заявителей.

10.2 Адвокат отмечает, что до экстрадиции заявителей в распоряжении государства-участника имелась достаточная информация о реальной опасности применения пыток в случае их возвращения. Ужасающая репутация Узбекистана в плане применения пыток документально подтверждается международными НПО, в частности организацией "Хьюман райтс уотч"¹⁰, Специальным докладчиком Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках, Комитетом по правам человека в его заключительных замечаниях 2010 года по Узбекистану и в постановлениях, вынесенных Европейским судом по правам человека в отношении России¹¹. Хорошо известно, что в Узбекистане в отношении заключенных методично и систематически применяются пытки и что опасность подвергнуться пыткам дополнительно повышается в случае лиц, задержанных по подозрениям в религиозной или террористической деятельности. Адвокат вновь подчеркивает, что все заявители являются убежденными последователями ислама и что им были предъявлены обвинения по статье 244 Уголовного кодекса Узбекистана ("изготовление, хранение и распространение материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма" и "участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях") и по статье 159 этого Кодекса ("посягательство на свержение конституционного строя"). Наряду с тысячами других верующих, мирно исповедующих свою религию, выходящую из-под жесткого государственного контроля в Узбекистане, они стали мишенью для принимаемых правительством мер с целью

⁹ См. сообщение № 249/2004, *Дар против Норвегии*, решение, принятое 11 мая 2007 года, пункт 16.4.

¹⁰ Human Rights Watch, "Nowhere to turn: torture and ill-treatment in Uzbekistan", 2007.

¹¹ European Court of Human Rights, *Ismailov and others v. Russia*, Application No. 30352/03, 6 November 2008; *Sultanov v. Russia*, Application No. 15303/09, 4 November 2010.

подавления инакомыслия и были заклеены в качестве "религиозных экстремистов" и "членов запрещенных религиозных организаций". Многие из заявителей подвергались аресту и пыткам до бегства из страны.

10.3 Адвокат отмечает, что заявители подробно описали свои личные обстоятельства и охарактеризовали личную угрозу применения пыток в случае возвращения в своих ходатайствах, представленных судам государства-участника, и неоднократно ссылались на Конвенцию против пыток, правовую практику Европейского суда по правам человека и доклады НПО о применении пыток в Узбекистане. Однако суды государства-участника не провели оценки риска подвергнуться пыткам в каждом конкретном случае. Кроме того, в период с 2010 по 2011 год международные НПО, в частности организации АКАТ-Франция, "Международная амнистия", "Хьюман райтс уотч" и другие, направляли властям Казахстана многочисленные письма и призывы с просьбой не допустить экстрадиции заявителей в свете угрозы применения пыток. Адвокат заявляет, что государство-участник отдавало себе отчет в опасности, угрожающей заявителям.

10.4 Адвокат отмечает, что принцип недопустимости принудительного возвращения является фундаментальным принципом, не допускающим отступлений, и имеет преимущественную силу над двусторонними соглашениями об экстрадиции. Адвокат также отмечает, что лишение статуса беженцев никоим образом не отражается на оценке угрозы применения пыток. Даже террористы имеют право не подвергаться пыткам.

10.5 Что касается дипломатических гарантий, предположительно предоставленных Узбекистаном, то адвокат считает их ненадежными и отмечает, что в стране отсутствует независимый и эффективный механизм мониторинга положения лиц после экстрадиции¹². Она отмечает, что как Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках, так и Европейский суд по правам человека сочли, что дипломатические заверения узбекского правительства не снимают с государств их обязательства не возвращать лицо, которому угрожает применение пыток. Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций в своих заключительных замечаниях по Казахстану рекомендовал государству-участнику проявлять "крайнюю осмотрительность в тех случаях, когда оно полагается на дипломатические гарантии". Она также отмечает, что Казахстан не представил Комитету копии предполагаемых гарантий. Что касается предполагаемых механизмов мониторинга, то, как указывает адвокат, мандат и требования конфиденциальности Международного комитета Красного Креста исключают возможность предоставления Казахстану какой-либо информации о положении в Узбекистане. Более того, представители ВОЗ, с которыми связалась адвокат, отрицали получение каких-либо указаний со стороны узбекских властей относительно мониторинга положения заявителей и заявили о том, что им не был предоставлен доступ к тюрьмам. "Другие международные правозащитные организации" не имеют доступа к местам содержания под стражей в Узбекистане¹³.

10.6 Адвокат предпринимала попытки проконтролировать положение заявителей, но никому не удалось посетить их или предоставить какую-либо информацию об их местонахождении и обращении с ними. Согласно публикациям в прессе, в период с августа по ноябрь 2011 года длительные сроки наказания

¹² ECHR, *Ergashev v. Russia*, Application no. 12106/09, 20 December 2011, para. 114.

¹³ "Хьюман Райтс Уотч" была последней международной НПО, действующей в Узбекистане, их отделение было закрыто правительством в июне 2011 года.

были назначены пяти заявителям¹⁴. Так, например, Ахмад Болтаев был приговорен к тюремному заключению сроком на 13 лет. Остальные заявители тоже предстали перед судом, но о результатах соответствующего разбирательства ничего неизвестно, поскольку процесс не освещается в средствах массовой информации, а независимый мониторинг судебного разбирательства не ведется. Адвокат заявляет, что, по ее мнению, заявителям не была предоставлена помощь независимых адвокатов и что было нарушено их право на справедливое судебное разбирательство.

10.7 Адвокат также считает, что государство-участник в данном случае не приняло эффективных мер для предотвращения актов пыток в нарушение статьи 2 Конвенции против пыток. Оно также не предоставило заявителям доступа к эффективному средству правовой защиты от экстрадиции, что является нарушением статьи 22 Конвенции¹⁵.

10.8 Что касается борьбы с терроризмом, то адвокат отмечает, что она должна вестись с соблюдением права прав человека¹⁶, и обязательство государства-участника не высылать лиц, которым могут угрожать пытки, носит абсолютный характер. Если заявители представляли угрозу для безопасности государства-участника, то властям следовало предъявить им соответствующие обвинения и привлечь к ответственности в собственных судах.

10.9 Что касается средств правовой защиты, то адвокат ссылается на Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв нарушений,¹⁷ и просит потребовать от государства-участника обеспечить возвращение заявителей¹⁸ и предоставить им компенсацию и реабилитацию по смыслу статьи 14 Конвенции. Государству-участнику следует также пересмотреть свою систему дипломатических заверений и свою судебную систему в целях недопущения аналогичных нарушений в будущем¹⁹.

Дополнительная информация, представленная государством-участником

11.1 11 мая 2012 года в соответствии с просьбой, высказанной Комитетом в ходе устных слушаний, государство-участник предоставило копии гарантий узбекских властей, а также отдельные решения окружного суда²⁰. Из документов следует, что 6 сентября 2010 года государство-участник просило предоставить

¹⁴ Ozodlik, 18 August 2011, Ўзбекистонга экстрадиция килинган кочкинлар устидан хукм ўқилди (in Uzbek) ; <http://www.ozodlik.org/content/article/24301128.html>; Radio Free Europe, 23 August 2011, Uzbeks Extradited From Kazakhstan Stand Trial For Extremism (in English) http://www.rferl.org/content/extradited_uzbeks_tried_for_extremism/24305622.html; Radio Ozodlik, 30 September 2011, Ўзбекистонга қайтарилган уч кочкинга хукм ўқилди (in Uzbek), <http://www.ozodlik.org/content/article/24344491.html>.

¹⁵ См. сообщение № 319/2007, *Сингх против Канады*, решение, принятое 30 мая 2011 года, пункт 8.

¹⁶ Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом: десять элементов наилучшей практики в области борьбы с терроризмом (A/HRC/16/51), принцип 1.

¹⁷ Резолюция 60/147 Генеральной Ассамблеи.

¹⁸ См. сообщение № 249/2004, *Дар против Норвегии*, решение, принятое 11 мая 2007 года.

¹⁹ См. сообщение № 327/2007, *Буали против Канады*, решение, принятое 14 ноября 2011 года, пункт 15.

²⁰ Государство-участник представило решения суда первой инстанции в отношении 11 заявителей.

гарантии в отношении 29 заявителей, в частности гарантии того, что обвинение не будет руководствоваться политическими мотивами и что соответствующие лица не подвергнутся дискриминации, пыткам, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, а также того, что власти государства-участника при необходимости смогут встретиться с заявителями на любом этапе уголовного судебного разбирательства для проверки соблюдения их прав. 7, 11, 12 и 20 октября 2010 года и 10 января 2011 года Генеральный прокуратор Узбекистана представил гарантии в отношении каждого заявителя с указанием того, что Узбекистан является участником Пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток. Далее было отмечено, что согласно статьям 16 и 17 Уголовно-процессуального кодекса Узбекистана правосудие осуществляется на началах равенства перед законом, без какой-либо дискриминации, и никто не может быть подвергнут пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Запрещается выполнение действий или вынесение решений, которые унижают достоинство человека, ставят под угрозу его здоровье, причиняют ему физические и нравственные страдания. Прокуратура также разрешила властям Казахстана встретиться с любым из заявителей в местах содержания под стражей и получить информацию о ходе уголовного производства по соответствующим делам. Узбекские власти также гарантировали, что уголовное производство в отношении заявителей будет вестись в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Узбекистана и его международными обязательствами.

11.2 5 мая 2012 года Генеральная прокуратура Узбекистана сообщила государству-участнику о том, что 25 из 29 экстрадированных лиц были вынесены приговоры. Г-н Рахматов, г-н Юлдошев и г-н Пулатов были приговорены к исправительным работам сроком на три года, не предусматривающим лишения свободы²¹. Узбекские власти предоставили правовую помощь всем заявителям, некоторые из которых имели собственных адвокатов. Один заявитель отказался от помощи адвокатов и защищал себя сам²². Жалоб на применение пыток или жестокое обращение не поступало. Уголовный процесс был открыт. Также указывалось, что в настоящее время рассматривается возможность посещения заявителей в местах содержания под стражей казахскими властями. Узбекские власти далее отметили учреждение механизма по осуществлению рекомендаций договорных органов Организации Объединенных Наций.

Дополнительные комментарии адвоката

12.1 16 мая 2012 года адвокат представила дополнительные комментарии, указав, что сообщение было подано в декабре 2010 года, а значит на тот момент в распоряжении государства-участника уже имелись все документы, представленные им 11 мая 2012 года, и что государство-участник не объяснило, почему оно представило документы на столь позднем этапе производства.

12.2 Что касается судебных решений, то адвокат отмечает, что они содержат доказательства того, что заявители поднимали вопрос о недопустимости принудительного возвращения и угрозе жестокого обращения по их возвращении в Узбекистан; однако их доводы остались без рассмотрения и были суммарно отклонены. Адвокат далее отмечает, что суд не опроверг доводы заявителей о нарушении принципов справедливого судебного разбирательства и что государство-участник не приняло никаких мер в связи с этими утверждениями.

²¹ Государство-участник не представило информацию о приговорах в отношении остальных 23 заявителей.

²² Фамилия этого заявителя не приводится.

12.3 Адвокат далее заявляет, что дипломатические заверения были представлены с опозданием и что они сформулированы расплывчато и неконкретно и не предусматривают эффективного механизма последующих мер. Гарантии были предоставлены в ответ на запрос Генерального прокурора государства-участника, в котором он заявляет, что власти не сомневаются в том, что Узбекистан выполнит свои международные обязательства. Кроме того, в самом письме Генерального прокурора Казахстана уже содержался текст запрашиваемых заверений, что говорит о том, что их получение являлось чистой формальностью и никак не влияло на решение государства-участника об экстрадиции заявителей.

12.4 Адвокат далее утверждает, что право на посещение заявителей властями государства-участника в большинстве случаев было предоставлено в октябре 2010 года; однако государство-участник сообщило Комитету о том, что оно рассматривает возможность посещения заявителей лишь в своем более позднем представлении от 11 мая 2012 года. Причины, по которым оно не встретилось с ними ранее, никак не объяснились. Адвокат ссылается на судебную практику Европейского суда по правам человека²³ и отмечает, что дипломатические заверения были признаны достаточной гарантией неприменения пыток в одном единственном случае: когда мониторинг места содержания под стражей был поручен независимой правозащитной НПО.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение по существу

13.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

13.2 Комитет должен решить, является ли принудительная экстрадиция заявителей в Узбекистан нарушением обязательств государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать или возвращать ("refouler") лицо в другое государство при наличии существенных оснований считать, что оно окажется под угрозой применения пыток. Комитет принимает решение по этому вопросу в свете информации, которую власти государства-участника имели или должны были иметь в своем распоряжении на момент экстрадиции. Последующие события полезны лишь для оценки информации, которую государство-участник фактически имело или должно было иметь в своем распоряжении на момент экстрадиции.

13.3 При оценке того, была ли экстрадиция заявителей в Узбекистан нарушением обязательств государства-участника в соответствии со статьей 3 Конвенции, Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, включая существование практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Комитет вновь отмечает, что существование практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточным основанием для решения о том, что данное конкретное лицо будет находиться под угрозой пыток по возвращении в эту страну; к этому необходимо присовокупить дополнительные основания, свидетельствующие о существовании риска подвергнуться пыткам именно для данного конкретного лица. Аналогичным образом отсутствие практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что данное конкретное лицо не может подвергнуться пыткам в конкретных обстоятельствах его дела.

²³ ECHR, *Othman v. the United Kingdom*, judgment of 17 January 2012.

13.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 1 (1996) об осуществлении статьи 3, где сказано, что "при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности". В этой связи в предыдущих решениях Комитет решил, что риск подвергнуться пыткам должен быть предсказуемым, реальным и личным²⁴.

13.5 Комитет принимает к сведению доводы адвоката о том, что заявители и другие лица, возвращенные в Узбекистан в соответствии с запросами об экстрадиции, содержались под стражей без связи с внешним миром и, следовательно, подвергались угрозе пыток или жестокого обращения. Он также принимает к сведению заявление адвоката о том, что в Узбекистане на систематической основе применяются пытки и жестокое обращение и что мусульмане, отказывающиеся исповедовать свою веру под контролем государства, а также лица, обвиняемые в религиозном экстремизме и посягательстве на свержение конституционного строя, в первую очередь сталкиваются с такой угрозой. Комитет также отмечает, что государство-участник отклонило ходатайство заявителей о предоставлении убежища или восстановления аннулированного статуса беженцев²⁵ на том основании, что они представляют угрозу для государства-участника и могут нанести серьезный ущерб его безопасности и безопасности других стран. Он также принимает к сведению довод адвоката о том, что судебное разбирательство в государстве-участнике, по результатам которого заявители были экстрадированы, было несправедливым, поскольку заявителям не были обеспечены услуги переводчика, доступ заявителей к адвокатам был ограничен, а адвокатам было отказано в доступе к материалам дела. Комитет далее принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что за судопроизводством осуществляли надзор представители УВКБ и Бюро по правам человека государства-участника, не получившие никаких жалоб, и что заявителям гарантировалась правовая помощь и услуги переводчика. Что касается утверждения заявителей о том, что в Узбекистане им угрожает применение пыток, то Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что Узбекистан является участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток и что Узбекистаном были представлены дипломатические заверения в том, что заявители не будут подвергнуты пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он также отмечает, что, согласно государству-участнику, Узбекистан заверил его в том, что международные организации могут осуществлять мониторинг в местах содержания под стражей. Комитет отмечает, что адвокат опровергла это утверждение, указав, что правила МККК исключают возможность предоставления властям государства-участника какой-либо информации и что другим упомянутым организациям не был предоставлен доступ в места содержания под стражей. Комитет далее принимает к сведению заявление адвоката о том, что УВКБ выступило против экстрадиции четырех из 29 заявителей и что адвокату не был предоставлен доступ к информации о позиции УВКБ по остальным делам.

²⁴ Замечание общего порядка № 1, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 44 (A/53/44 и Corr.1), приложение IX, пункт 6.*

²⁵ У 12 заявителей вплоть до августа 2010 года был предоставляемый УВКБ статус беженцев.

13.6 Что касается существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, то Комитет ссылается на свои заключительные замечания по третьему периодическому докладу Узбекистана²⁶, в которых он выразил свою озабоченность в связи с многочисленными, непрекращающимися и согласующимися друг с другом сообщениями о систематическом применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания со стороны сотрудников правоохранительных и следственных органов или при их подстрекательстве или с их ведома, а также в связи с тем, что лица, пытавшиеся найти убежище за границей и возвращенные в страну, содержатся в заключении в неизвестных местах и, возможно, подвергаются актам, представляющим собой нарушение Конвенции.

13.7 Комитет отмечает, что все 29 заявителей являются мусульманами, которые, согласно сообщениям, исповедуют свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов или принадлежат к религиозным экстремистским организациям. Он также отмечает, что заявители были экстрадированы в ответ на запрос Узбекистана, в котором они обвинялись в совершении тяжких преступлений, включая религиозный экстремизм и посягательство на свержение конституционного строя, и на основании вывода государства-участника о том, что они представляют угрозу для безопасности его граждан и граждан других стран. Комитет вновь подтверждает выраженную в его заключительных замечаниях обеспокоенность в связи с принудительным возвращением лиц в Узбекистан по соображениям региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, без какой-либо информации об условиях их содержания, обращении с ними и их местонахождении²⁷. Он также отмечает, что принцип недопустимости принудительного возвращения, закрепленный в статье 3 Конвенции, является абсолютным и что борьба с терроризмом не освобождает государство-участник от лежащей на нем обязанности не высылать или возвращать ("refouler") лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что ему там может угрожать применение пыток²⁸. В этом контексте Комитет также указывает, что предусмотренный в статье 3 Конвенции принцип недопустимости принудительного возвращения является абсолютным даже в том случае, если по результатам оценки в соответствии с Конвенцией 1951 года о статусе беженцев лицо исключается из категории беженцев согласно пункту F c) статьи 1.

13.8 С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что как в его собственных заключительных замечаниях, так и в представленных ему материалах была приведены достаточные доказательства того, что в Узбекистане существует практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и значительная угроза применения пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения, в особенности в отношении лиц, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов. Кроме того, он отмечает, что, согласно утверждениям заявителей, они подверглись религиозным преследованиям, включая в некоторых случаях задержание и пытки, до того, как бежали в Казахстан.

²⁶ CAT/C/UZB/CO/3.

²⁷ CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 15.

²⁸ См. сообщение № 39/1996, *Паес против Швеции*, Соображения, принятые 28 апреля 1997 года; сообщение № 110/1998, *Нуньес Чипана против Венесуэлы*, Соображения, принятые 10 ноября 1998 года, пункт 5.6; и сообщение № 297/2006, *Сингх Соги против Канады*, Соображения, принятые 16 ноября 2007 года.

13.9 Комитет напоминает, что согласно своему замечанию общего порядка № 1 об осуществлении статьи 3 он будет в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника, но что при этом Комитет не связан такими заключениями и в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу²⁹. В рамках настоящего дела Комитет отмечает, что государство-участник не представило доказательств в письменной или устной форме, опровергающих утверждения заявителей о том, что производство по вопросам экстрадиции не отвечало минимальным требованиям справедливого судебного разбирательства (например, достаточное время для подготовки к защите, ограниченный доступ к адвокатам и услугам переводчиков), и что им не была проведена индивидуальная оценка личной опасности для каждого заявителя подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. Комитет отмечает, что, хотя суд первой инстанции (Комитету были представлены некоторые решения) ссылается как на внутреннее законодательство, так и на Конвенцию 1951 года о статусе беженцев, им не была проведена индивидуальная оценка опасности в соответствии со статьей 3 Конвенции и принципом недопустимости принудительного возвращения, закрепленным во внутреннем законодательстве. Помимо этого, государство-участник отказалось соблюдать временные меры, запрошенные Комитетом. Государство-участник также не рассмотрело приведенные заявителями доводы о несправедливом судебном разбирательстве и угрожающей им лично опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не рассмотрело должным образом утверждения заявителей о том, что им угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В контексте настоящего дела и принимая к сведению письменные и устные заявления сторон, Комитет приходит к выводу, что заявители, каждому из которых были предъявлены обвинения в религиозном экстремизме или принадлежности к экстремистской или террористической группе в Узбекистане и которые были экстрадированы государством-участником на основании этих обвинений, в достаточной степени продемонстрировали наличие для них предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В силу этого Комитет заключает, что с учетом обстоятельств данного дела допущенная государством-участником экстрадиция заявителей в Узбекистан является нарушением статьи 3 Конвенции.

13.10 Кроме того, государство-участник сослалось на получение дипломатических заверений в качестве достаточной гарантии защиты от такой явной опасности. Комитет напоминает, что дипломатические заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа недопустимости принудительного возвращения. Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, осуществляет ли оно мониторинг в какой-либо форме и предпринимало ли оно какие-либо меры для обеспечения того, чтобы мониторинг носил объективный, беспристрастный и достаточно достоверный характер.

14. Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, постановляет, что имеющиеся в его

²⁹ Замечание общего порядка № 1 (см. сноску 24 выше) и, в том числе, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, решение, принятое 6 мая 2010 года.

распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 3 и 22 Конвенции.

15. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник предоставить заявителю возмещение, включая возвращение заявителей в Казахстан и надлежащую компенсацию. В течение 90 дней Комитет хотел бы получить информацию о мерах, принятых государством-участником в ответ на настоящие Соображения.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском, русском и китайском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]
